

Л.В. Сабурова

Средняя общеобразовательная школа № 3 г. Вологды

КОРОВА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ВОЛОГОДСКОГО КРЕСТЬЯНИНА

В статье анализируется корпус речевых высказываний сельских жителей Вологодского края о корове, описываются лексическая семантика и деривационные особенности названий коров, выявляется состав объектов, действий и прагматических ситуаций, связанных с содержанием этих животных, а также специфика их оценок, вербализуемых в речи информантов. На основании результатов анализа характеризуются типологические свойства языковой картины мира вологодского крестьянина.

Когнитивная диалектология, анимальная лексика, вологодские говоры.

В картине мира сельских жителей домашние животные занимают особое место: именно от них зависит биологическое выживание человека в суровых климатических условиях; находясь рядом с человеком, они являются не только источником его экономического благополучия, но и объектом заботы, ухода, внимания, ласки; жизнь домашних животных, обеспечивающих человека пищей, одеждой, обувью, являющихся основой стабильности крестьянского хозяйства, во всех своих проявлениях от рождения до смерти определяется локальными традициями содержания животных, связана с народными приметами, обрядами и верованиями. Неслучайно поэтому изучение анималистической лексики в различных языках мира (и в русском языке в частности) в значительной мере сосредоточено на описании семантики [17; 5; др.], происхождения [23; 19; др.] и деривационного/фразеологического потенциала [15; 10; др.] названий домашних животных, особенностей функционирования этих слов в бытовой речи жителей различных территорий [14; 21; др.], в поэтической речи [13; 6; др.], в национальной и локальной фольклорных традициях [1; 22; др.], на осмыслении этой группы слов в этнолингвистическом аспекте [9; 8; др.] и в контексте реконструкции языковой картины мира русского народа [3; 11; 7; др.]. В контексте изучения анималистической лексики современных вологодских говоров на материале опубликованных региональных словарей (СВГ и др.) и записей бесед с информантами по программе «Лексического атласа русских народных говоров» (Программа ЛАРНГ) мы смогли убедиться в том, что наибольшее количество названий (более 70) и самый объемный контент речевых высказываний информантов (примерно 25 % всех анализируемых текстов) относится к коровам. В связи с этим в рамках данной статьи будет представлено лексическое своеобразие и деривационные особенности названий коров, а также специфика оценки этих животных, выражаемая в речи сельских жителей Вологодского края.

В рассказах наших информантов представления о домашнем скоте в определяющей степени связаны с наличием коровы: *Часто так говорят: «Держишь какую-нибудь животину или нет?» – «Да, держу ко-*

рову и овец»; Скотина, животина – ну, если кто у тебя во дворе ест. Ну, корова, понятно, овечка; Жизнь всякая – корова, овцы. С одной стороны, это связано с тем, что корова в крестьянском хозяйстве была основным источником благ животного происхождения (молока, мяса, шкур, навоза и пр.), а с другой – объясняется тем, что основной состав информантов, рассказывающих о животных, – это пожилые женщины, а корова издревле считалась основным «женским» животным [8]. Неслучайны поэтому в диалектной речи параллели описания жизнедеятельности коровы и женщины, особенно в сфере реализации их репродуктивных возможностей: *Ялую корову держать долго не буду – ср.: Детей-то я не крестила – яловая я* (см. об этом также: [14; 4; 2; др.]).

Наличие коровы в доме считалось признаком достатка и благополучия: *В Дымково-то народ жил богато, не по одной корове держали, а как на Борбушино приехала, дак тут победнее, не у всех и корова-то была; А ведь по двенадцатеро коров да две-три тёлки держали; Хозяйство у неё шибко дородно было: корова, овцы; Багачества – однакорова.* Приобретение коровы (покупка, получение в качестве приданого и др.) становилось для семьи большим подспорьем: *У меня приданица была, от мамки корова; Отец выделил мне из своих земельных угодий одно чищенье да дал со мной Корову, выездную сбрую, и гармонь с чего началась Самостоятельная семейная жизнь, И начали мы совместно с семьей тестя Никандра Никандровича жизнь дружную и хорошо налаженную** [16, с. 54]). Наоборот, отсутствие коровы в домашнем хозяйстве характеризовало его как неблагополучное, бедное, нежизнеспособное: *Раньше какой двор без коровы – только уж если совсем какие зимогоры жили!* Информанты, характеризуя современную деревню, неодобрительно отзываются об отсутствии во многих хозяйствах коров: *Щас все бескоровники стали; Дивья топерь-то, а вот поломайсь, как мы, с коровам-то!*

* Фрагменты рассказов В.А. Морозова приводятся в авторской орфографии и пунктуации.

Общими названиями парнокопытных животных семейства полорогих вида быков подвида домашних быков (лат. *Bos taurus taurus*) являются древнейшие славянские названия *бык* [24, т. 1, с. 258], *корова* [24, т. 2, с. 331], *теленки* (ср.: **tele* [24, т. 4, с. 38]). Наряду с этими словами в вологодских говорах употребляется большое количество слов, называющих животных этого вида в зависимости от пола, возраста, физиологических особенностей, внешних и поведенческих характеристик, хозяйственного назначения и др. признаков.

Для характеристики **взрослых самцов** животного определяющим признаком является их способность к оплодотворению самки. Кроме существительного *бык*, для названия этих животных используется слово *бугай* (заимств. из тюркск., ср. тур. **biya* «бык» [24, т. 1, с. 228]), а также производные слова, маркирующие возраст животного (*Бык-от у её двулеток, сдавать собралась. И зачем тогда два года кормила?*), его размеры и физическую силу (*Бычина-то его и разбудал*).

Названий **самок животного** в вологодских говорах значительно больше. Они маркируют **возраст животного**: *четвертаха* «четырёхгодовалая корова», преимущественно по признаку **готовности или неготовности самки производить потомство**: *телица, тёлка, тёлочка* (*Она бы вчера-то уехали, кабы не тёлку гонить; Да ведь телица-то – это молодая корова ещё, ну, девочка то есть; Тёлочку-то лучше, чем бычка: его-то куды – его на мясо, а тёлочку-ту вырастишь, дак с молочкём будешь*); *переходка, переходница, переходок, переходочка* (*Если лето переходит тёлочка, то переходкой называется; Ей бы надо отелиться, а она не обгуляется, не телится на третьем году. Это переходница называется; Прошлый год она шайку пила, уж зиму жила, дак переходок, не мене матки. Год минул, второй пошёл – это и есть переходок; Большеенькая телушка-то была, переходочка*). **Возможность или невозможность рождения потомства** является одним из наиболее существенных признаков для номинации животного: детализируется возраст, в котором корова в первый раз приносит потомство: *коленка, штанка* «корова, отелившаяся на первом году жизни» (*Коленку идти посмотреть, вчера отелилась, и году не проходила; Тёлка шито молоденькая была, отелилась, дак такую штанкой называют*), маркируется первый раз рождения коровой телят: *первоотёлка, первотёлка, первотёлочка, первотёлок, первотёлочек* (*Корову-то мы первоотёлка продали; Корова у мамы моей – первотёлка; Не даёт доиться первотёлок, не стоит, лягается; Ой, какой баской у тебя первотёлочек!; Это у меня первотёлочка разродилась*), имеются специальные названия для стельной коровы: *огулялая, стельная, тяжёлая* (*Огулялая корова. Телёнок будет; Корова-то уж ведь тяжёлая была*) – и различных физиологических действий: *опростаться, отелиться, растелиться* «родить детёныша (о корове)» (*Ночью-то и опросталась, телёночек вон какой хорошой!; Отелилась – дак уж корова, не телушецька; Год тогда студёной был, корова-то у меня растелилась, дак я телёнка застала на мост*), *избережаться* «преждевременно родить нежизнеспособный плод» (*Корова у Максименковых избережалась, дак сейчас*

снова быка ищет). В противоположность коровам, рождающим детёнышей, маркируется яловая корова: *нетель, нетолка, яловка, яловуха, яловушка* (*Зорька у неё – нетель, телёнка от неё не жди; НетоУку загони во двор; Яловка, не огулялась; У Шурки-то опять яловух много на ферме будет. Не ходит ведь на ферму, не видит почти и коров-то. Опять приплоду не будет; У соседки две коровы, да и те яловушки*). Другой существенный признак для номинации самок животных – это **возможность получения молока**. Специальные названия существуют для дойной коровы: *доёнка, дойка* (*У Шурки доёнка спокойная, любого подпустит, не то что у меня была; Дёржали по семь доёк, а молока мене, как ноне одна корова надоит*) – и по соотношению с ней маркируются состояния, при которых корова не даёт молока: *недоёнок, недоюха, недоянка* «яловая корова» (*А корова-то недоёнок у её, сдавать сего году будет; Корова у меня сего году недоюха, дак сдавать буду; Наша корова у нас уже 13 лет, а недоянкой ни разу не была; ♢ в межмолоках (межмолоки) ходить «не давать молока перед отёлом, не доиться» (Корова вторую неделю в межмолоках ходит*). Внутренняя форма диалектных названий коровы эксплицирует качество удоя: большой – *ведёрница* (*Корова-то ведёрница, много даёт молока*) или малый – *недоюха, издойная* (*Плохую тёлку мне свёкор выбрал, недоюху; Корова-то у меня издойная*), а также маркирует физиологические особенности животных, определяющих усилия доярки при получении молока: значительные – *тугодойка, тугая, тугенькая, тугодойкая, туготелая* (*Доишь-доишь, а молока нет! Трудно тугих-то коров доить!; Корова-то у нас тугенькая; Тугодох-то нарушают; Если туготелая корова, дак мученья с ней!; Оно больше передаётся по наследству: если matka тугодойкая, дак и тёлка будет тугодойкая*) или небольшие – *слабая, слабомолокая, слаботелая, ♢ слабая к молоку* (*Это пёстрая-то корова слабомолокая, хорошо доит. Другая худо доит, рукам-то жать; Туготелую корову трудно доить. У меня-то хорошая, слаботелая была; Хорошая у меня корова, слабая. А как слабая у меня, дак из всех четырёх титёк само бежит; Слабая к молоку – так легко доить, крепкая – так тяжело рукам*).

В отношении коровы фиксируется значительное количество обращений, выражающих **отношение говорящего**, эксплицирующих любовь и ласку по отношению к животному: *коровушка, малка* (ср.: *малый*), *таланушка* (ср.: *талан*, *талань* «судьба» [20, вып. 11, с. 5]), *холёнушка* (ср.: *холить*) (*Коровушка, малка моя, покушай сенца-то!; А я её называю «милая», «хорошая коровушка», «таланушка», «холёнушка», «послушная». Позовёшь – а она идёт. Глазки добрые, смотрит*), а также неодобрение по отношению к излишне резвому, беспокойному животному: *терлыга, тпрука* (*Куды, терлыга, пошла? Леня тебе грезь-то обойти!; Стой, тпрука, стой, милая, доичка будём; Не корова, а чистая шельма!*).

Названия детёнышей коровы в вологодских говорах достаточно часто не дифференцируются по половому признаку (*Вот вавко-то, разве телята это? Коров от телят не отличит, вот вавко-то!*) и содержат в своем составе суффиксы субъективной оценки: *телёнички, телятишко, телятко, теляши* (*Все*

у нас ликвидировали, скоро и коров не будет. У нас телятишки всё будут, маленькие сосунки, а в Россонине откормленные; Раннѐе телятко, а позднѐе егнятко. Раннѐе телятко – это то, которое родится в начале года. Этого телѐночка весной уже можно выпускать, он здоровей того, который поздно родится. А егнятко – дак тот быстрее растѐт, хоть и поздно родится; Смотри, какой теляш родился; Корова отелилась, этакое хорошенького телѐнчика принесла! Чѐрненький, а во лбу звѐздочка). Кроме слов с общерусскими корнями, для названия телят используются диалектные слова звукоподражательного происхождения, соотносительные с подзывными словами: *депа, депочка, тѐптя, тептушка* (Где это у нас тептя гуляет? Тептя, тептушка, иди сюда; Идите сюда, депочки!) и слова неясной этимологии: *отеня* (Лонись у меня отеню-то во Ук загрыз [20, вып. 6, с. 89]). В рассказах о телятах маркируется их **половая принадлежность** (*бычок/тѐлка, тѐлочка, телушка*), **возраст**: *годовушка, летошник/летошница, однолеток, переходник/переходница* и др. (*Наша годовушка за лето выросла больно; Летошник, прошлым летом родился, дак год ему; Тѐлочка у нас летошница была, закололи; Если телѐнку год, так переходник, как перегулял год, так переходник*). Диалектные производные названия телят маркируют **особенности жизнедеятельности** в различные возрастные периоды: *молочник, опоек* «новорожденный теленок» (*Телѐнок ничего не ест, только и знает матку дозлить; Телѐнок-от ешиш молочник, молоко у матки сосѐт; Молочников-то надо отдельно держать; Опоек, так это вот пока у матери молоко пѐт*); *запастушник* «теленка на втором году жизни, который пасется в стаде» (*На второй год телѐнок за стадом ходит, за пастухом. У нас его запастушником зовут, за пастухом ходит дак*), а также назначение животных (обычно бычков), оставляемых в хозяйстве на откорм для получения мяса: *откормошник, откормыш, прикормок, прикормыш, припусток* (*В марте их приведут маленьких, откормошники хорошие были быки; Откормыша скоро резать будем; Корова, прикормок, овцы, лошадь – нековды так не было; Телята-то, которых на год оставляют, прикормышами называются; Пустышь этого телѐнка на зиму, вот он и вырастет, как припусток. Кто пускает припустка, кто нет. Раньше ведь не такая дорогая скотина была*). В обращениях к телятам также маркируется ласкательное (*депочка, тептушка*) отношение к животным; вместе с тем информанты нередко используют и неодобрительные названия: *Я гоорю ему: «Зимогор ты, зимогор, почто ботаешься?»; Тѐтя Римма ведѐт <убежавшего бычка>, зимогора ведѐт*.

Деривационный потенциал общих названий крупного рогатого скота различен. От названия самца животного образуются существительные с суффиксами стилистической модификации (*бычок, бычина*), притяжательное прилагательное (*бычий*) и глаголы, называющие проявление состояния природы или человека (*бычиться* «хмуриться (о небе)», *избычиться* «рассердиться, нахмуриться»); в результате семантической трансформации образуются также названия предметов бытового назначения (*быки* «стропила крыши», *бычины* «столбы, устои плотины водяной

мельницы») и явлений природы (*бык, бычок* «первая туча перламутрового цвета, являющаяся предвестником сильной грозы, грозовое облако»).

В составе устойчивого сочетания (♦ *Ласковое теля двух маток сосѐт* «о ласковом, приветливом ребенке, человеку») в вологодских говорах сохранилась наиболее архаичная, безаффиксная дистрибуция корня *-тел'- (теля)*, среди слов этого корневого гнезда фиксируются общие названия детеныша (*телѐнок, теляш*), их стилистические модификаты (*телятко, телятишко*), названия незрелого существа женского пола (*тѐлка, телица, телушка*), коровьего вымени (*тельно*), помещений для содержания телят (*телятник*), людей, ухаживающих за скотом (*телятница*), притяжательные прилагательные (*телячий*) и глаголы, эксплицирующие действия, связанные с рождением телят (*телиться, растелиться, отелиться*), а также их дериваты (*отѐл*). Результатом семантического переноса, на наш взгляд, является образование глагола *телиться* «долго снаряжаться, собираться» и его дериватов (*протелиться* и др.).

Наиболее широким деривационным потенциалом обладает название самки животного. В вологодских говорах от него образуются существительные с ласкательным (*коровка, коровушка*), увеличительным (*коровица, коровуха*), уничижительным (*коровѐнка*) значениями, слова, называющие нерасчлененное множество животных (*коровьѐ*), помещение для скота (*коровник*), женщин, ухаживающих за скотом (*коровница*), мясо и шкуру животного (*коровина, коровятина*), прилагательные со значением отношения или принадлежности животному (*коровий*), глаголы состояния, при котором человек уподобляется животному (*короветь* «толстеть, полнеть», *раскороветь* «растолстеть, располнеть»). Название самки животного служит базой для семантических переносов, в результате которых образуются названия выпечных изделий (*коровай* и его производные), грибов (*коровка, коровушка, короватик, короватник, коровятник* и др.), бытовых предметов (*коровка* «выемка, углубление, гнездо в конце бревна, куда вставляется выступ другого; паз»), а также мотивирует внутреннюю форму диалектных фразеологизмов (♦ *На коровках* «на коленях»; ♦ *Заползать на коровках* «стать немощным, неспособным что-либо делать вследствие наступления старости»).

В рассказах информантов маркируется широкий набор отличительных признаков, позволяющих хозяйке идентифицировать свое животное. Во-первых, это цвет и густота **шерсти** животного (*Корова жарная, тѐмно-корицьневая; Больно уж шерстнатый телѐнок-то родился*), мотивирующие образование многих производных названий коров: *пеструха, пеструшка, чернуха* и др. (*В стаде всякие коровы есть: и пеструхи, и белоньк, и цыганки; Эта корова отелилась, дак телѐночек-от эдакой пеструшка; Я всяких коров кормила – и чернух, и пеструх*). Во-вторых, это **отличительные знаки** на теле животного, имеющие естественное происхождение, как, например, отсутствие рогов на голове у животного: *комолка, комлюха* (*Комлюха – безрогая корова, а то бывает и коза; Комолок у меня четыре коровы*), или сделанные человеком: *зарубка* «надрез, метка с номером на ухе животного» (*Чтобы корову колхозную в*

стаде отличить, ей на ухе зарубку выщипывают, номер то есть). Наиболее широко в говорах представлены названия **приспособлений, издающих звук** при движении животного: *боркун/буркун, батало, бубен, бубенок, бубешок, звонок, колокол, колоколо* (*Летом боркуну всем лошадам и коровам вешают; Батало-то звонокё, дак далеко слышно, где корова; Я свою корову издадека по бубну узнавала; У коровы бубенок на шее; С бубешкам коров гонели; На телушку дак звонок, на корову дак большое колоколо; Колокол-от у твоей коровы шишко звонокий*; эти названия служат мотивирующей базой для образования производных названий животного с колокольцем на шее, приближение которого было сигналом о возвращении скота с пастбища: *колоколена, колокольница* и др. (*Колоколена-то главная в стаде, она водит стадо; У колокольницы-то колоколо далеко слышно*). В речи информантов представлен широкий круг диалектных глаголов, эксплицирующих **мычание** коров: *бунькать/забунькать, мукать/замукать, мурявкать/замурявкать, змурявкать, мыргать, мыркать, мырчать/замыргать, замыркать, замырчать, ныржить/заныржить, рыкать/зарыкать, зыкать, зычать* и др. (*В хливе-то бунькат, пора, поди, коровушку-ту кормить; Коровы замурявкали небаско; Коровы-то замырзали, доиться просятя; Корова-то у меня была – доиться надо, дак заныржит сама; Как увидели нас, да как зарыкают во всю-то башку, бедные наши коровушки!*; *Коровы близко зыкают, видно, домой идут; Коров-то когда гонят, дак они зычат; Корова рыкает, а тёлочка мукает. Уж издадека чуть, как моя тёлочка мукает; Корова как к дому подходит – мырчит, голос подаёт*. Информанты подробно описывают также **повадки животных**, обращая внимание на порчу вещей (*Корова выташиыла висок с деньгам да жуёт*), загрязнение поверхностей (*Не закроем, дак коровы-ти всё закастят; А засерёт, как не закроешь отвод-то*) и особенно на склонность животных бодаться. В говорах функционируют специальные названия **бодливых животных**: *бодун, бутыга, толкун, толкунья* (*У меня бык, такой бодун вырос, дак я и то боюсь его; Заганивай бутыгу в стаю, время-то девятой цяс; Ой, говорю, толкуна-то увезли; Если уж корова толкунья, то и хозяйке худо приходится, и её-то боднуть может*), прилагательные, эксплицирующие признаки агрессивного животного: *бодучий, будачкий, будысакий, толкатый, толкучий* (*Корова такая бодучая, дак и подходит к ней боюсь; Возьми вицу-то побольше, корова-то будачкая; Бык-от у нас в стаде будысакий; Корова, которая толкается, – толкунья, или ишчо толкатая говорят*), глаголы со значением «бить, колоть рогами» и их видовые корреляты: *бости, бостись, будысаться, кузыраться* и др. (*Научилась корова бостись, дак теперь спасу нет никакого, всё и бодается; Бык-от на дворе сейчас будысаУся; Лонися мужика-то у её бык забов, двое робят осталось; Была у нас в деревне бодливая корова, в прошлый год женцину избола; У соседа корова кузырается; Есть коровы такие, что так тебя и разбудают, разбудать им нетрудно*. В качестве средств воздействия на животных использовались **орудия наказания**: *вица* «гибкий прут, ветка», *гила, батог* «палка», *витень* «кнут» (*Возьми вицу-то по-*

больше, корова-то будачкая; Гилой корову-то подгоняли; Наши пастух с батогом за коровами бегаёт, Витень на их наде, а без витня оне ничего не понимают), **звуковые сигналы** – различного рода обращения и подзывные слова: *прука-прука, сыго-сыго, тёпа-тёпа, тпрко-тпрко, тпруко-тпруко, тпру-тпру, эво-эво* и др. (*Прука-прука, иди ко мне; А коровушек подзывали: сыго-сыго; Тёпа-тёпа – так вот коров звали; Тпрко-тпрко, иди сюда, Чернуха!*; *Позови-ко сходи телёнка. Тпру-тпру-тпру!*), а также звуковые сигналы, которые издавались с помощью специальных **приспособлений**: *барабанки, колотильницы, стукалашки, стукальницы, стукоталки, стукотальника, стукотальни, стукоталенки* и др. (*Барабанку пастухи вешают на огород, колотят в неё, мы и выгоняем коров; Колотильница, коров собирать; Пошто орать? Эдак не доорёшься кажную корову-то! Стукальница была, деревянная, в неё били; Стукоталенка была. С ней всю деревню надо было пройти, чтоб хозяева скот выгонили, пасту надо; Ходим со стукоталками да стукоталим; Один пастух пройдёт со стукотальней – пора коров гнать, другой – для овец*).

Одной из наиболее широко обсуждаемых информантами тем является **уход за животными**, в первую очередь, за коровой. В вологодских говорах используется достаточно широкий круг диалектных глаголов, в обобщенном виде называющих комплекс действий по уходу за скотом: *воймовать, водиться, вожкаться, обиходить, обихаживать, управлять* и др. (*С коровам водилась порядочно; Годы-то не те, не могу боле с коровой-то вожкачья; Она пошла на двор корову управлять; Пойду корову изобихажу; Обихаживать-то корову много надо, сколь с ней делов-то!*; *Обиходить надо, как застали-то: накормить, помыть, подоить, вычистить всё да убрат*. Основную пищу для коров составляли различные травы (*Пырей – едкая трава, кони да коровы её едят. Ростёт на пожнях, на берегах; Траву-то эту коровы будут исъ-то? – Чёго заес, то и будешь давать*), сено (*Как сено-то едкое, дак у коровы в кормушке не останется*), солома (*Коров-то цем кормили? – Да житницей. – Коровам-то итё давали? – Житницу да колосягу давали*), мякина (*Кормины не валитё на повить, в огородче смечите. Когда ячмень обмолотят, зерно в омбар унесут, а кормину смечут. Кормину-ту коровы лучше соломы едят*), очищенные от семян коробочки льна (*Семя сдавали, а куколь коровам запаривали понемногу*), картофель (*Эта-та скотная картофка, не едная*), а также различного рода комбинированный корм с добавлением муки, отрубей и др. (*Мешанины сейчас наделаю, погоди маленько; Заварка – это пойло для скотины; Пойло – чёо запарить, то и будёт: комби-корму, поди, да хлебушка дашь поиси коровушке*). В речи диалектоносителей используются диалектные названия «порций», количества корма, которое корова съедает за один прием пищи (*Ну-ко, сена-то не привезли, осталось на одно даванье; Марта (корова) давку-то сена не съела. Здорова ли?*) и приспособлений для кормления животных (*Положь в малянку сена-то поболе, дак корове до утра хватит*). Информанты отмечают, что для содержания коровы требуется очень много корма: *Когда сенокос, дак побоблели*

все сусидям, и дети с городу на сенокос специально приезжали: корове дак много сена надэ!; Отец купил дацю, дак теперь больше сена-то будет, прокормим короушку; Корову-то давно продала, дак и звоз теперь не нужон, комментируют физиологические особенности приема пищи, в частности вторичное пережевывание жвачными животными возвращающейся из желудка в полости рта пищи: Коровы да овчи без жваки не могут; Если корова не двечит, значит, заболела; Корова жвачит, дак это жвачка; Ну вот жвакует жвачку то корова, то козлуха, а также активное поглощение пищи как признак здорового животного (Корова второе ведро забулькала; Телёнок-от, вишь, как зоблет, проголодаУся, видно; Если корова не двечит, значит, заболела; Корову-то додонь как следует, а то пахи провалились), для характеристики которого используется широкий ряд диалектных определений: ествяный, жористый, жоркой, солощий и пр. (Есвятная корова-та. Какого сена не дай – всё съес; Ишь, телёнок-то какой жоркой!; Солощая скотина-то, не больно разбирает – всё жорёт, как надавано). По соотношению со здоровым, активным, физически крепким животным (Бык-от матерушиной!; Целоможный у тебя телёночек-от уродился; Юровая у нас корова) в говорах маркируются слабые, хилые, изможденные животные (Больно и корова-то у них заморённая; Коровы-ти заморные сейгод, дак не знаешь, как и доить; От чаванухи никакого молока. Отдельную проблему рассказов информантов о коровах составляет описание их типичных недугов – бесплодия (Корову осеменяют, но плода не зарождается. Это болезнь. Топеречи против болезни-то ломуны какое-то лекарство вводили, дак вроде поменьше стало их), потери аппетита (Корова жваку теряет. Не заболела ли?), механических повреждений (Ногу корова выставила), а также причин смерти животных – утопления (Забредёт корова в лес-от, дак и доведётся: забредёт на зыбунец – и тую-тую!; В заплаве корова тонула), нападения диких зверей (И вижу – в ломях волк задрал корову и пьёт кровь, аж урчит), изнурения тяжелой работой (Бедного быка-то всего загоняли. Столько он работы нам переделал. Затачили вконец быка-то, не пойдёт он больше; Лошадей-то не было, дак на коровах пахали. Которая попойдёт-попойдёт, а потом глядишь и сдохнет!).

Местом постоянного содержания коров в крестьянском хозяйстве является хлев – нижнее помещение двора, задней части крестьянского дома (Короушка-то в хливе стоела; Ой, в клеве-то до чего сыро! Корова в клеве! Она пошла на двор корову управлять; На зады коров доить вышла), разгороженное для проживания коровы и более мелких животных (Раньше за заборовою-то у меня корова стояла, а теперь цыплят держу; У меня в хлевуовцы в одной стае живут, а корова в другой; По две короушки стояло в загородке-то). Летом коровы содержались под открытым небом, для этого существовало специально огороженное место: загонка, загородка, заосек и др. (Летом там у него загонка для телят; Коров на заосек гонели; Корова в колхозное логово забегает). Для обозначения **мест выпаса** скота в вологодских говорах используются диалектные названия пастбищ, внутренняя фор-

ма которых эксплицирует извлечение животных из «своего» пространства (**вывод**), отгороженность пастбища от лесного «чужого» пространства в результате трудовой деятельности человека (**выгорода, загорода** – ср.: **городить**; **заосек, засек** – ср.: **сечь, ломь** – ср.: **ломать**; **клетка**), предназначение для выпаса животных (**запоскотинье, поскотина** – ср.: **скот**), в летний период (**летовище** – ср.: **лето**), а также географические особенности пастбища – расположение его возле водоема, в низком, заливаемом водой месте (**залив, займище, заполосок, isaда, лобоза**), на опушке леса (**закраек**), на территории, прилегающей к пашне (**заполье, заполица** – ср.: **поле**), на лугу (**луговина**), а также выпас немногочисленных животных на территории деревни между домами (**завук, заук, заулок** – ср.: **улица**). В речи информантов используются многочисленные глаголы, называющие действия по управлению скотом во время его выпаса: **выганивать, выгонять/выгонить** (Скот-от выганивали в поскотину за деревню; Коров-то выгонили поздно), **вытравлять** (Манька, вытравляй коров туды, а то и там выкосят), **загонять, заганивать/загонить** (По вечерам я корову заганиваю; Загони-ко корову во двор), **заставать/застать** (Я её вычёл <корову> дула-дула, а застать не могла; Время-то много, пойду корову заставать), **караулить** (Отдельно пасут скот-от у нас, надо по очереди караулить. Лидка телят караулит, а я короУ), **изымать** (Нужто изымали сёдни телёнка-то, говорила, что потерялся), **гаркать, загаркивать/загаркать** (Гаркала корову-то, не идёт, долго не могла загаркать, Не загаркивают корову-то эдак рано), **зыхать** (Как начну зыхать, так коровы и тянут ко мне).

Получение **практической пользы** от содержания коров информанты связывают с наличием в хозяйстве мяса (Нонче тёлку забрили; Зарушают скотину, мяса насолят), бытовым использованием внутренностей животного (У кого в окнах-то стекло, у кого брюшина; Брюшину-то от коровы вычистим да сварим, а робята-то всё за день съедят), шкур (В Городок кожья-то навезут теперича, а ране дома кожсьё приготавливали; Шкура телёноква у нас опоек называется. Вон у соседей опоек на заборе. Из опойка шили обувь: тапочки там разные, опойковые сапоги, очень мягкие в отличие от коровины), навоза (Корову-то сбавили, дак назьму-то топерь негде брать!), но в первую очередь – с получением молока, изготовления молочных продуктов (Теперь у всех коровы-то, дак большухи копят масло-то; Грудок свежий, сейчас из печи только достала. Грудка хочу соседке отнести: у неё корова сейчас не доит). **Круг работ**, связанных с получением молока, определяется физиологическим состоянием коровы, дающей молоко (**доёнка, дойка** «дойная корова»), количеством молока, выдаиваемым за определенный срок (**дойло** «удой»), использованием специальных приспособлений (**поподойник** «подойник», **бухалица** «аппарат для ручной переработки молока в сливки»), временем дойки (**вечерня** «вечерняя дойка») и пр.

Весь круг работ, связанных с содержанием крупного рогатого скота, существует в сознании информантов в контексте традиционной культуры. Об этом свидетельствует сохранение этикетных формул – благопожеланий хозяйке, доящей корову (◇ *Ведро (море)*

(тебе) молока; ◇ *Море под кормилицей (под коровой, под маткой)* и *Море под кормилицу (под корову)*. ◇ *Море молока*), или хозяевам, забивающим скот (◇ *Сахар-мясо: Ковды режет скотину, тебе говорят: «Сахар-мясо!» А ты отвечаешь: «Цапай горстью!»*), заговоров, направленных на получение большого удоя молока (◇ *Стой, коровушка, горой, бежи, молочко, рекой!*), обращенных к домовым и лесным/полевым духам с целью уберечь скотину во время выпаса и ночного сна (*Когда выпускают коров на поле, суседушку кланяются в пояс и говорят: «Дедушко-суседушко, полевой пой-корми, дворовой, домой веди!»; Батюшко доброходушко, матушка доброходница, вам здись не тесно? Дайте моей скотине доброе место!»; Скотина на круг находила, дак тут ворожею звали, а так не найти. Она с круга и сымёт; Старухи пишут камбалу на берёсте, я слышала, как она камбалу пишет, лешего призывает. Камбалу писала мать, а что, никто не знает. Нельзя было читать. Как только не могут найти животину, так к ней и идут, она камбалу и пишет, животина прибегаёт*), рассказов о сверхъестественных существах, оберегающих домашний скот или, наоборот, вредящих ему (*Досуженця скотинку-то справно держала; Ласочка коров-то доит; Придѣшь, а корова-то и выдоена. Думаешь сразу-то: молочник*), об использовании ритуальных действий и предметов в качестве оберега для скота (*По репю хвостик у коровы отрезали, в Великий четверг отрезают; У меня телёнок пропал, две недели не было, а как закупонь поставила на стол, дак через два дня вернуУся. Горшком прикроешь дресву – вот и закупонь*).

Таким образом, анализ высказываний о корове в речи сельских жителей Вологодского края свидетельствует о том, что это животное занимало особое место в локальной картине мира, с ним было связано представление информантов о семейном благополучии и достатке. В лексическом множестве названий коровы сохраняются древнейшие видовые и обобщенные названия *скот, корова, бык*, и др., лексические противопоставления животных по признакам пола и возраста (*корова/бык/теленки*), а также возможности/невозможности давать потомство (*корова/телка*). Большинство видовых названий животных активно участвует в деривационных отношениях. Производные от них имена существительные образуются по продуктивным в русском языке словообразовательным моделям. Это модели морфемного словообразования: внутрисубстантивного – названия единичных животных или их совокупностей (*скотина*), уменьшительно-ласкательные (*коровушка, бычок*), уничижительно-пренебрежительные (*коровёшка*), названия детенышей домашних животных (*бычонок*), мяса (реже – шкуры) животного (*коровятина, бычина*), отсубстантивного – прилагательные со значением принадлежности животному (*коровий, бычий*), сравнительно-уподобительные наречия (*по-бычьи*), глаголы со значением действия, подобного тому, которое свойственно некоему животному или приписывается ему языковым сознанием носителя говоров (*короветь*). Проявляют себя также типичные модели неморфемного лексико-семантического словообразования: *корова* «лосиха»; *быки* «стропила крыши» и др. Иссле-

дование названий коровы в речи информантов убеждает нас в том, что вербализация «мира животных» в вологодских говорах представляет собой систему лексических и фразеологических средств, семантика, внутренняя форма и контекстуальное окружение которых репрезентируют типологические свойства диалектной языковой картины мира: антропоцентричность, парцеллированность, прагматичность, традиционность и экспрессивность.

Литература

1. Архипенко, Н.А. Отбирание молока у коров (к исследованию одного мифологического мотива) / Н.А. Архипенко // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 1998. – Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2001. – С. 142–154.
2. Бунчук, Т.Н. Человек и животные в культурном пространстве Усть-Цильмы (на материале русских говоров Низовой Печоры) / Т.Н. Бунчук // Известия Коми научного центра УрО РАН. – Сыктывкар, 2013. – Вып. 2 (14). – С. 89–95.
3. Вендина, Г.И. Русская языковая картина мира через призму словообразования (макрокосм) [Электронный ресурс] / Г.И. Вендина. – Москва: Индрик, 1998. – 240 с. – Режим доступа: http://inslav.ru/images/stories/pdf/1998_vendina.pdf
4. Власкина, Т.Ю. Зоокод репродуктивной сферы жизнедеятельности человека в донских говорах (архисема «способный и репродукции») / Т.Ю. Власкина // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования. 2000. – Санкт-Петербург: Наука, 2003. – С. 85–91.
5. Войтик, Л.С. К вопросу о смысловой структуре слова (на материале лексико-семантической группы наименований животных): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Войтик Любовь Семеновна. – Алма-Ата, 1975. – 39 с.
6. Галай, К.Н. Зооморфные образы в произведениях И. Бунина (цикл «Темные аллеи») [Электронный ресурс] / К.Н. Галай // Дискуссия: политематический журнал научных публикаций. – 2014 (май). – № 5 (46). – Режим доступа: <http://www.journal-discussion.ru/publication.php?id=1112>.
7. Гордеева, З.А. Методика исследования зоонимов при моделировании русской картины мира (на примере зоонима «кошка») / З.А. Гордеева // Вестник Омского государственного университета. Гуманитарные исследования. – 2014. – № 1. – С. 43–47.
8. Гура, А.В. Символика животных в славянской народной традиции / А.В. Гура. – Москва: Индрик. – 1997. – 912 с.
9. Журавлев, А.Ф. Восточнославянская обрядовая скотоводческая лексика и фразеология в этнолингвистическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Журавлев Анатолий Федорович. – Москва: МГУ, 1982. – 24 с.
10. Зорина, Л.Ю. Вологодские диалектные благопожелания в контексте традиционной народной культуры: монография / Л.Ю. Зорина. – Вологда: ВГПУ, 2012. – 216 с.
11. Кирилова, Е.А. Структура сложных слов в современных вологодских говорах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Кирилова Елена Алексеевна. – Вологда: ВГПУ, 2008. – 203 с.
12. Козлова, Т.В. Семантика фразеологизмов с названиями животных в современном русском языке / Т.В. Козлова. – Москва: Изд-во МГУ, 2003. – 179 с.
13. Козлова, А.Г. Анималистическая тема в современной советской прозе и традиции русской классической литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / Козлова Алла Григорьевна; Харьков. пед. ин-т. – Харьков, 1990. – 18 с.
14. Красильщик, Е.А. Названия домашних животных с точки зрения их физического и физиологического состояния: На материале говоров Костромской и Ярославской

областей: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Красильщик Елена Александровна. – Кострома, 1999. – 273 с.

15. Малафеева, Е.Р. Семантическая структура фразеологизмов с компонентом-зоонимом в современном русском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Малафеева Екатерина Радиогеловна. – Челябинск, 1989. – 231 с.

16. Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета: монография / Н.А. Волкова, С.А. Ганичева, А.В. Загуменнов, Е.Н. Ильина, М.Г. Мельникова. – Вологда: ВоГУ; Череповец: ЧГУ, 2017. – 232 с.

17. Одинцов, Г.Ф. История русских названий лошадей (на материале памятников XII–XVII в.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Одинцов Геннадий Филиппович. – Москва, 1970. – 353 с.

18. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров: в 2-х ч. / под ред. И.А. Попова. – Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 1994. – Ч. 1, 2. (Программа ЛАРНГ)

19. Проценко Б.Н. История названий животных в славянских языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Про-

ценко Борис Николаевич. – Ростов-на-Дону, 1985. – 141 с.

20. Словарь вологодских говоров. – Вологда: ВГПИ; ВГПУ. – 1983–2006. – Вып. 1–12. (СВГ)

21. Слюсарева, О.А. О полярности образов кошки и собаки в диалектной картине мира (на материале лексики села Краснолипья Репьевского района Воронежской области) / О.А. Слюсарева // Актуальные проблемы русской диалектологии: К 100-летию издания «Диалектологического атласа русского языка». Тезисы докладов. – Москва: ИРЯ РАН, 2015. – С. 191–193.

22. Томова, У.А. Наименования домашних животных и птиц в сказках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Томова Ульяна Александровна. – Москва: МГОУ, 2010. – 224 с.

23. Трубачев, О.Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках / О.Н. Трубачев. – Москва: Изд-во АН СССР, 1960. – 116 с.

24. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – Изд. 4-е, стереотип. – Москва: Астрель: АСТ, 2004. – Т. 1–4.

L.V. Saburova

КОРОВА (COW) IN THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD OF VOLOGDA PEASANTS

The article deals with the corpus of speech situations containing the noun *корова* (*cow*) and uttered by rural residents of Vologda Region. The author analyses semantic and derivational peculiarities of the names of cows; reveals the essence of objects, actions and pragmatic situations connected with keeping these domestic animals; and identifies a special attitude to them on the basis of the names used by the informants. The results of the analysis show typological characteristics of the language picture of the world of Vologda peasants.

Cognitive dialectology, animalistic vocabulary, Vologda dialects.